

Наше сердце стучит в ритме леса.
Наше дыхание созвучно течению реки.
Наша душа летит на крыльях сокола.
Доверившись силе природы,
Мы станем частью этого мира.

ГЛАВА 1

Медь откроет ключик дверь
В мир новый, прежде неизвестный.
Но выбирая ключ, проверь,
Будь сам с собой предельно честным.
Не торопись с принятием решения,
Но и не мешкай, если выбор пал.
Ведь каждый – не без прегрешенья,
И всё же каждый уникален, как опал.

Ива смотрела в окно, прижавшись носом к стеклу. На улице лило как из ведра, и лишь смутно угадывались очертания лесочка, граничащего с садом у её дома.

— И зачем мне этот лес? — прошептала Ива. В этот момент ей на голову упала тяжёлая капля. Девочка взглянула вверх и увидела на потолке большое мокрое пятно. — Ну вот, ещё и крыша течёт! Только этого не хватало! — простонала она.

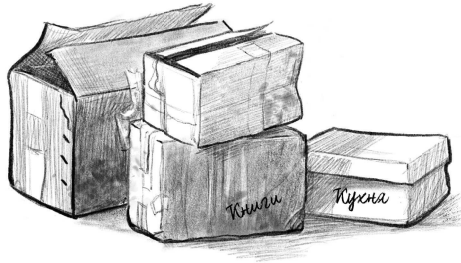
— Ива! — позвал папа из гостиной внизу. — Подойдёшь на минутку?

Ива нехотя соскользнула с подоконника и побрела вниз по лестнице.

Папа стоял среди бесчисленных коробок, беспомощно почёсывая голову:

- Поможешь мне, дочка?
- А что нужно сделать, пап?
- Пора распаковать коробки.

— Это обязательно? — нахмурилась Ива.

— Да, птенчик, обязательно. Видишь ли, теперь мы будем жить здесь.

— Ты говорил это в пяти последних городах, где мы побывали. Но стоило нам распаковать вещи, как мы снова их укладывали и отправлялись дальше!

— Ну, птенчик, не преувеличивай. Как-никак в Сингапуре мы прожили два года, — возразил Адам Флинн.

— Один!

— Нет, два.

— А я точно знаю, что один. Ты ещё купил мне китайский фонарик на Новый год, но я проспала праздник, и ты пообещал, что мы запустим его в следующую новогоднюю ночь. Но на следующий Новый год нас там уже не было.

— Разве? — Папа задумался. — А для меня словно два года прошло.

— Может, потому, что там не менялись времена года и почти всё время было жарко.

— Точно! Но всё-таки мы продержались в Сингапуре целый год! — ответил папа, и Ива закатила глаза. — Птенчик, мне нужно место,

где я мог бы спокойно работать. И тут самая подходящая обстановка, да ещё мы с тобой так удачно получили этот дом в наследство. Поэтому мы наверняка останемся тут надолго. Я смогу работать и одновременно начну писать книгу. Это будет бестселлер! Мы разбогатеем и будем жить долго и счастливо!

Ива застонала. Стоя на коленях перед коробкой, она доставала из неё книгу за книгой и нехотя расставляла на полке.

— В моей комнате течёт крыша. Дождь капает прямо на голову! — пожаловалась она.

— Ого! — удивился папа.

— Это всё, что ты хочешь сказать, пап? Ого — и больше ничего? — Ива вопросительно посмотрела на отца.

— Я займусь этим вопросом, обещаю!

— Тогда ещё займись, пожалуйста, плесенью на потолке, запахом сырости в подвале, пауками в кладовой, прогнившей доской на полу у входа, сломанным выключателем в коридоре, неработающим сливом в туалете, а ещё краном, который плюётся ржавой водой...

— Да я всё это отремонтирую быстрее, чем ты скажешь «вафли со сливочным мороженым и голубикой»! — сказал папа.

— Папа! Ты же не умеешь работать руками, молоток и гвозди — твои заклятые враги!

— Ивушка, дружок, с этого дня всё станет по-другому! Теперь я всё буду делать сам. Своими волшебными руками! Ни один мастер не-

умёха не переступит порог этого дома! Потому что здесь живёт суперпапа! — Отец взобрался на коробку, широко расставил ноги и, воздев руку к потолку, принялся напевать мелодию из фильма про Супермена.

Ива невольно расхохоталась.

— Именно так! Ведь настоящие супергерои — это папы! Пускай у них пригорают спагетти и зияют дыры на штанах, но зато они умеют делать так, чтобы дети летали! — Папа подхватил Иву и закружил её в воздухе.

Ива захихикала. Вообще-то в свои одиннадцать лет она была слишком взрослой, чтобы

кружиться на руках у папы, но ей всё равно понравилось! Папа опустил её на пол.

— А ещё папы-супергерои лучше всех танцуют! Можно вас пригласить? Станцуем мозольный танец: ты будешь наступать мне на мозоли, но мы всё равно будем здорово смотреться!

Они кружились среди картонных коробок, и папа старался придать своему лицу серьёзное выражение, как у настоящего танцора. Ива повторяла за папой.

— Жюри присуждает десять очков за мозольный танец в исполнении Адама Флинна по прозвищу «суперпапа» и его восхитительной дочери Ивы Флинн по прозвищу «птенчик»! — крикнул он.

Расхохотавшись, они споткнулись о стопку книг на полу и повалились на зимние пальто, которые уже достали из коробок, но ещё не убрали в шкаф.

Адам Флинн ласково погладил дочку по голове и чмокнул её в щёку.

— Я тебя очень люблю, птенчик. Вот увидишь, мы хорошо тут заживём! Наконец-то у нас появился дом, где мы можем осесть.

Ива вздохнула:

— Этот дом очень старый, пап.

— Но это наш дом, и ты уже жила здесь несколько лет, когда была маленькой девочкой. Разве ты совсем ничего не помнишь? Тебе здесь нравилось.

Ива огляделась по сторонам и попыталась выудить из недр памяти хоть какое-то воспоминание. Но дело обстояло примерно так же, как обычно бывает с песнями. Мелодии, которые ты слышал однажды, хранятся в каком-то дальнем ящичке в голове. И если ты откроешь нужный, то сможешь подпевать, совершенно не понимая, как это у тебя выходит. Каждая нота и каждая строчка оказываются тебе знакомы. Но Ива так и не смогла найти ящичек с воспоминаниями об этом доме.

— А ведь тебе в наследство достался целый лес, птенчик. Слушай, у какой одиннадцатилетней девочки есть свой лес? — улыбнулся папа.

— Класс, — проворчала Ива, убирая с лица рыжую прядь. — Я что, лесник? Или Гном-Тихогром? Зачем мне лес? Деревья валить? Или играть в Гензеля и Гретель?

Адам Флинн покачал головой:

— Знаешь что? Я как раз нашёл в одной из коробок твои резиновые сапоги. — Он вытащил красную в белый горох обувь.

— И что? — Девочка вопросительно взглянула на отца.

— Ступай! Познакомься со своим лесом!

— Но там же дождь!

— Дождь — это всего лишь вода. И хотя ты очень сладкая девочка, всё-таки ты не из сахара.

— А если я заблужусь?

— Разве это не я должен был сказать? — смутился Адам Флинн. — Птенчик, этот лес не такой уж большой. Это скорее рощица, и ты в ней гуляла ещё в три года. Иди, пройди! — И, изменив голос, папа добавил: — Но не сворачивай с тропинки и не разговаривай с неизвестными волками!

— Хорошо, бабуля! — улыбнулась Ива. Девочка накинула дождевик, сунула ноги в резиновые сапоги и вышла в сад. «Всё лучше, чем распаковывать коробки», — подумала она.

На улице и вправду было неуютно, сыро и холодно. А для конца мая и вовсе слишком сыро и чересчур холодно. Как хорошо, что на носу праздник Троицы и каникулы, поэтому целых две недели Ива могла привыкать к новому дому и городу — в общем, к совершенно новой жизни. Она втянула голову в плечи и, бросив угрюмый взгляд на тучи, затопала в сторону леса.

Итак, Иве после смерти оставила лес тётушка Альвина. Быть наследницей приятно, но в этой истории есть и плохое — чтобы оставить наследство, кто-нибудь должен сначала умереть. Ива напряжённо пыталась вспомнить лицо тётушки. Папа рассказывал Иве, что раньше, когда Ива была ещё маленькой